

Образцовая
ЖЕНА ДЛЯ МЭРА

ТАТЬЯНА
ДОНЧЕНКО

с совенком

Татьяна Донченко

Образцовая жена для мэра

<https://litres.ru/74171688>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как я, заведующая детским отделением хирургии, оказалась на домашнем вызове у будущего мэра? Не спрашивайте! Если этот мужчина решил, что его дочь должна лечить именно я, он этого добьется.

А еще этому человеку, не знающему отказов, позарез понадобилась фиктивная жена. Угадайте, кому он собирается отвести эту почетную роль?

И что-то мне подсказывает, что отказать ему не получится

Содержание

1	4
2	8
3	14
4	20
5	25
6	32
7	39
8	44
9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Татьяна Донченко

Образцовая жена для мэра

1

– Черт. Черт. Черт. Точный попадос! – Сдавленно орала я. Это был не бордюр, не люк и не какая-то рандомная преграда. Я совершенно точно кого-то сбила.

Резкий, глухой удар, больше похожий на звук падения тяжелого мешка ни с чем не спутать.

Сердце, привыкшее к адреналину в операционной, дико и беспорядочно забилося в груди.

Все знания анатомии, всевозможные травмы пронеслись за доли секунды в мозгу, собрались в одну ужасающую картину.

А ведь я всего лишь потянулась к планшету на пассажирском сиденье, чтобы уточнить дату. Мгновение. Одно мгновение!

– Люся? Ты там в порядке? – доносилось из динамика.

Моя коллега и подруга Алина набрала, чтобы я подтвердила участие моего брата в медицинской конференции в Питере.

– Я я перезвоню

Палец нажал на кнопку отбоя. Голос коллеги оборвался

на полуслове.

Внезапная тишина в салоне стала оглушительной.

От волнения дыхание перехватило. Руки, еще минуту назад уверенно лежавшие на руле, вспотели и задрожали.

На автомате поставила машину на аварийку, разблокировала двери. Ноги были ватными, когда я вышла.

На обочине, за полметра от моего бампера, сидела женщина. Лет пятидесяти пяти, в темном пальто, теперь испачканном в грязи.

Рядом валялась разорванная сетка с апельсинами, которые медленно катились по мокрому асфальту.

Она смотрела на меня. И в ее глазах не было шока или боли. Там клекотала ярость, чистая и беспощадная.

– Ты, что, слепая?!

Она еще не пыталась встать, но уже сжимала и разжимала кулаки, как будто собирала силы для атаки.

– Несешься как ненормальная! В телефон уткнулась! Глаза где?

Я сделала шаг вперед, профессиональная часть мозга уже анализировала: «Сознание ясное, дыхание не нарушено, открытых переломов не видно»

Но рациональная часть меня была тут же задавлена накачивающей паникой. Я. Сбила. Человека.

– Я вас засужу! – женщина не спеша вставала, опираясь на мой капот. Оглядела мою врачебную одежду, поверх которой была накинута куртка. А потом ее лицо исказила гри-

маса гнева и торжества. – Вы меня сбили! А еще клятву Гиппократ давали: «Не навреди!»! Стыдобище!

Она вытащила из кармана телефон и стала его настойчиво наводить на мою машину, на меня, дрожащими, но решительными руками.

– Все, девушка! Я вас по судам затаскаю! – выкрикивала она, приближаясь. От нее пахло мокрой шерстью и дешевым одеколоном. – До нитки обдеру! Вы думаете, я оставлю вот так? Врачи уже людей сбивают, ты погляди! Вы думаете, вы неприкасаемая?

– П-простите я – все, слова закончились. И где мое красноречие, с помощью которого я отчитываю подчиненных в моем отделении?

– Я свидетелей привлеку! – продолжала она, тыча пальцем в сторону собравшихся зевак. – Вам не отмазаться! Вызову ГАИ, скорую, пусть все проверят! Может, вы пьяная? Да? Пьяная врачиха за рулем.

Я, привыкшая командовать в операционной, принимать решения за секунды, стояла, беспомощно сжавшись, мелко дрожа от холода и всепоглощающего страха.

– Если вам нужен свидетель, то можете воспользоваться моими услугами, – прозвучал грубоватый, мужской голос, и толпа зевак расступилась, предъявляя его взору.

Я мгновенно узнала его лицо.

Было трудно не узнать, ведь в следующем году я лично собиралась голосовать за его кандидатуру.

Евгений Степанович Мельников – наш будущий мэр.

У меня руки дрожали так, что ключи выпали из пальцев на асфальт, звонко и нелепо.

А потерпевшая кричала, как потерпевшая. И была, между прочим, живее всех живых

Она орала про скорую и полицию, про убийство людей, хотя на ней не было даже царапины, только испачканное пальто.

В своей жизни я и мухи не обидела, старалась обходить даже голубей на тротуаре, а теперь – это. На глазах у всех. Средь бела дня.

А тут еще он появился. Из ниоткуда, будто материализовался из самой этой суеты. Мельников.

За ним двигались два амбала, крупные, и лица каменные, непроницаемые, не обезображенные даже проблеском интеллекта.

А он был другой. Высокий, в идеально сидящем темном костюме, который не кричал о богатстве, но говорил о власти. Волосы, коротко и четко стриженные, лицо с резкими, но красивыми линиями – жесткий подбородок, прямой нос.

Он был харизматичным, как магнит, который мгновенно перетягивал все внимание на себя. И страшным. Не внешне. А своей аурой. От его вида по спине пробежали мурашки.

Он не спеша подошел ко мне, игнорируя кричащую «по-

страдавшую». Его свита мягко, но неотвратимо оттеснила ее в сторону, как мешающий фон.

Мельников остановился совсем близко. Я чувствовала его дыхание – ровное, спокойное. Мне бы так. Потому что мое состояние было, мягко говоря, предистеричное.

– Регистратор есть? – спросил он. Голос был низким, глухим. В нем не было ни вопроса, ни сочувствия – только требование факта.

Я молчала, пытаюсь собрать слова. Мозг был пуст. Я чувствовала себя тупой, опустошенной этой паникой, абсолютно бесполезной. А под его взглядом – еще и голой.

Он смотрел так, будто видел не просто блондинку со слезами на глазах, а все мои слабости, все мелкие страхи, всю жизнь, которую я пыталась построить в одиночестве с котом в обнимку.

Этот взгляд снимал кожу, обнажал душу, и она, эта душа, была такой маленькой и жалкой перед его спокойной, неоспоримой силой.

– Н-нет, – выдохнула я, почти не узнавая свой собственный голос.

Он медленно, без одобрения или осуждения, кивнул. Затем повернулся к одному из своих людей, сказал что-то короткое, неразличимое в шуме.

Крики женщины вдруг стихли, ее почти физически увел один из амбалов, не грубо, но с такой убедительностью, что она просто замолчала.

Мельников снова посмотрел на меня. Мурашки стали еще сильнее, они бегали под кожей.

– Успокойтесь, – произнес он, и это звучало не как совет, а как приказ.

И самое странное – слезы действительно остановились. Не потому, что я успокоилась. А потому, что в его присутствии даже паника казалась неуместной.

Он отвернулся от меня, и его внимание перехватил молодой парень в жилетке с логотипом местного телеканала, с микрофоном в руке.

Они отошли на пару шагов в сторону. Парень что-то оживленно, с жестами объяснял, кивая в сторону той женщины и на большую профессиональную камеру на плече у его коллеги.

Мельников слушал, не двигаясь, его профиль был резок и непроницаем.

Потом он медленно повернул голову и зыркнул на мою «пострадавшую». Взгляд был не гневный, а какой-то укоризненно-презрительный. Так смотрят на наглую, но глупую собаку, которая облаяла не того человека. В этом одном взгляде было столько холодного понимания всей ее сути, что у меня екнуло внутри.

Когда он снова вернулся и обратился ко мне, его голос изменился. В нем появилась какая-то тяжелая, почти усталая снисходительность.

– Вам повезло, – сказал он четко, чтобы слышала не толь-

ко я, но и ближайшие зеваки. — Я давал интервью. Весь момент попал в объектив. И оператор утверждает, что эта особа сама бросилась под ваши колеса. Целенаправленно.

Я судорожно глотнула воздух, не в силах вымолвить ни слова.

Мельников развернулся к женщине. Она уже не кричала, а смотрела на него с настороженной, животной злобой.

— Вас уже проверили мои люди, — голос его снова стал металлическим и ровным, без единого повышения тона. — Две уже заведенные схемы развода на «упала на переходе», одна — на парковке у супермаркета. Плюс административка за мелкое хулиганство. Думаете, в третий раз пронесет?

Она попятилась назад. Ее лицо из разгневанно-пострадавшего перекошилось в маску откровенной ненависти.

— Это все сговор! — выкрикнула она, но уже без прежней уверенности. — Вы с мэрией заодно! Кровопийцы! Весь город в коррупции утонул, а вы тут людей сбиваете, а потом еще и обвиняете в мошенничестве! Совсем обнаглели!

Она сыпала проклятиями, переходя с Мельникова на городские власти, на полицию, на «эту страну», ее голос снова набирал громкость, визгливую и бессильную.

Мельников не перебивал. Он стоял, заложив руки в карманы брюк, и смотрел на нее с таким видом, будто изучал редкий, но неприятный экземпляр насекомого.

Его спокойствие было страшнее любой ответной ругани. Когда ее поток на мгновение иссяк, чтобы перевести дух, он

произнес всего одну фразу, тихо, но так, что ее услышали все:

– Приедет наряд. Обсудите ваши требования с ними. И с судьей. Думаю, он оценит видео-материалы.

Один из его «амбалов», все это время стоявший как скала, достал телефон и отошел, набирая номер.

Женщина вдруг осеклась. Ее взгляд метнулся от Мельникова ко мне, к камере оператора, к сгрудившимся людям с телефонами.

В ее глазах мелькнул не страх даже, а расчетливый, мелкий ужас того, кто понимает, что спектакль провалился, а платить за него придется по-настоящему.

Она пробормотала еще что-то невнятное, уже не обзывательства, а оправдания, которые тонули в общем гуле. Потом резко дернулась, пытаясь проскользнуть между стоящими позади людьми.

Но было поздно. С другого конца улицы, разгоня сиреной зевак, уже медленно подползала служебная машина ДПС. Все было кончено. Ее арест был тихим и быстрым, под бесстрастными взглядами Мельникова и его людей.

А он снова повернулся ко мне. Харизма его никуда не делась, но теперь в ней чувствовалась какая-то деловая завершенность.

– Думаю, вам придется дать показания. Это формальность, – сказал он. – И, на будущее: устанавливайте регистратор. Чтобы не сталкиваться с мусором.

Он кивнул в сторону уезжавшей машины.

– Сп-пасибо, – сипло ответила я, чувствуя как на меня наваливается чудовищная усталость.

Он спокойно ответил:

– Позже поблагодарите.

Его взгляд быстро скользнул по мне, словно только сейчас он заметил мой белый халат. Это, казалось, имело для него какое-то значение.

– Позже?

Он уже не ответил. Просто сделал легкий знак головой оператору, и тот снова поднял камеру.

Мельников поправил галстук, и его лицо снова стало тем самым – публичным, собранным, готовым продолжать интервью. Для него этот инцидент был уже закрыт.

Для меня же все только начиналось

Пятый этаж, отделение детской хирургии. Мое царство, мой второй дом. Если не сказать – первый.

– Людмила Дмитриевна, доброе утро! – Дежурный по отделению, Сидоров сразу же с порога налетел на меня с новостями. – Ночью поступили двое: девочка семи лет с острым аппендицитом и мальчик трех лет с паховой грыжей. Состояние обоих стабильное.

– Отлично. К обеду подготовьте для меня выписки. И проверьте, пожалуйста, наличие бланков МРТ-направлений в регистратуре, к полудню должна подойти партия.

А дальше обход. Ежедневный ритуал. Шла по палатам в окружении лечащих врачей – внимательных, чуть напряженных в моем присутствии. Первая заведующая отделения, которой нет еще и тридцати. И у некоторых мой возраст все еще вызывал недоверие. Но те, кто меня уже хорошо знают – те в курсе, на что я способна.

Сегодня среди коллег не было моего старшего, родного брата Леши. Он укатил в долгожданный отпуск со своей подругой.

Мой брат – лучший врач в нашей больнице. Без предвзятостей, он действительно в этом хорош.

Сегодня его отсутствие ощущалось особенно остро. Хотелось поделиться тем, что случилось. Конечно, он наверняка

будет недоволен тем, что я отвлекаюсь за рулем и не использую видеорегистратор... Но, несмотря на все его причитания, он – единственный, кто способен оказать мне искреннюю и стопроцентную поддержку.

Закончив с обходом, решила ненадолго уединиться в своем кабинете.

Небольшая комната, заваленная бумагами, с компьютером, гигантским кактусом на подоконнике (подарок коллег) и старым, выдавшим виды кожаным креслом. Только тут, в этом убежище, я смогла выдохнуть. Руки до сих пор слегка подрагивали.

Заварила чай, села в кресло, закрыла глаза и невольно вернулась на пару часов назад – искаженное злобой лицо женщины, бросившейся под колеса моей машины, ее обвинения и крики. Что я делала, если бы не мой сегодняшний спаситель?

А потом голос. Мужской, спокойный, уверенный: «Успокойтесь». Меня пробрало мурашками до самого нутра. Удивительно, как кто-то может обладать такой силой, что даже через воспоминания его голос действует.

Мысли, вроде бы, вертелись вокруг работы, планов, невыполненных поручений. Но краем сознания, упрямо и навязчиво, в них всплывал Мельников.

Его помощь с мошенницей была быстрой, решительной и странной.

А это его: «Потом поблагодарите». Что это значит – «по-

том»? И почему «потом»? Его помощь не была безвозмездной акцией?

А какой у него взгляд! Не благородная усталость, которую показывают в телерепортажах, а что-то другое. Взгляд мужской, тяжелый, пронизывающий, будто ощупывающий.

Из этих размышлений меня вырвал стук в дверь.

В кабинет зашел Арсений Решетников, наш хирург.

– Людмила Дмитриевна, по поводу Макарова. Я считаю, нужно перенести операцию на четверг. В среду у него запланирован последний курс антибиотиков, и я хочу увидеть окончательную реакцию.

Я взяла график, стараясь смотреть на бумагу, а не на него.

– Перенести на четверг значит сдвинуть весь день. У Петровой операция в тот день уже стоит. Она не может ждать, ее случай более острый.

– Петрову можно начать раньше. Если мы начнем в семь, а не в девять, как обычно, то к десяти освободим операционную. Макарова можно взять в одиннадцать. Я готов начать в семь.

Он готов начинать в семь. Всегда готов. Он никогда не говорит о переработках, просто делает.

Сердце сделало глупый, лишний удар. Я подняла глаза и встретила с его взглядом. Он был сосредоточен на графике, на проблеме.

В его глазах не было того пронизывающего оценивания, как у Мельников. В нем была только профессиональная яс-

ность и усталость.

– Хорошо, – сказала я, стараясь звучать отстраненно и официально. – Согласовано. Измените график, проинформируйте родителей Макарова и предупредите Петрову, что мы начинаем в семь. ее нужно подготовить к шести.

– Сделаю, – ответил он просто и вышел, оставив легкий запах антисептика и тихое, привычное опустошение, которое всегда приходило после его ухода.

Комната снова стала просто комнатой, а не пространством, где находился он. Я потянулась к чашке, отпила. Чай был уже холодным.

К вечеру ко мне заглянула Алина поболтать. Наш анестезиолог и по совместительству моя подруга. Я рассказала ей вкратце о том, что у меня произошло утром и получила уйму наставлений о том, как можно и нельзя ездить за рулем. Что я говорила о брате? Отзываю слова о нем, как о моем личном голосе разума и торжественно передаю это звание своей подруге.

Закончив с расспросами о Мельникове и мошеннице, Алина вспомнила зачем ко мне заглянула и перешла к сути.

– Чуть не забыла! Все, утвердили. Твоего братца, Кораблева, ждут на следующей неделе в Питере. Он уже вернется с отпуска к тому моменту?

Я глянула на календарь.

– По моим подсчетам – да. В среду.

В воздухе повисла пауза.

– А почему Решетников не хочет поехать?

Я махнула рукой, изображая равнодушие, надеясь, что жест получится небрежным, а не судорожным.

– Что-то про семейные обстоятельства сказал, – в голосе прозвучала горечь, которую я не смогла сдержать.

Алина прищурилась. Она знала как мне нравится наш красавец-хирург, и уже давно.

Он был уже несколько лет в состоянии «скоро разведемся» со своей женой. И все никак.

Его жена была потрясающей – умной, яркой. И я ни в коем случае не собиралась лезть и портить им жизнь.

Это была твердая, незыблемая позиция, мой личный этический кодекс.

Поэтому страдала молча, тихо и больно. Сердцу, как известно, не прикажешь. Оно жило по своим законам, глупым и упрямым.

Конец рабочего дня выдался тяжелым. Собралась, закрыла кабинет, нажала кнопку лифта, и когда двери разъехались, внутри уже стоял Решетников. Кивнул коротко, почти формально.

Это были самые долгие пять этажей в моей жизни!

Хотелось сказать что-то легкое, о работе, о погоде, но боялась, что голос дрогнет, выдаст все.

Лифт мягко остановился, и мы вышли в вестибюль основного входа почти синхронно.

Мы направились к выходу, и в этот момент у него в кар-

мане зазвонил телефон. Он замедлил шаг, достал трубку, и я невольно увидела подсвеченный экран. Яркая, счастливая фотография – он, она на фоне гор.

Сердце резко, болезненно сжалось.

– Алло, заюш, – сказал он, и его голос, всегда такой сдержанный и профессиональный на работе, мгновенно наполнился теплой, домашней мягкостью, которую я слышала лишь краем уха раньше. – Да, уже выхожу. Купил, помню. Клубничный, твой любимый. Через двадцать минут буду.

Я ускорила шаг, стараясь не слышать продолжения, массируя свой побег под естественную спешку.

Главное – дойти до машины. Сесть. И можно будет, наконец, выдохнуть, дать выход чувствам, которые нельзя было показывать миру.

Я почти подбежала к своей скромной иномарке, роясь в сумке в поисках ключей, и вдруг замерла.

Прямо рядом, в паре метров от моей машины, стоял длинный черный «Мерседес» представительского класса.

И, облокотившись на его крыло, со скрещенными на груди руками, стоял Мельников.

Он явно ждал меня.

Сердце, еще не оправившееся от предыдущего удара, совершило новый кульбит. И ухнуло куда-то в пятки

Черт, черт! Это точно попадос!

Мельников выглядел каким-то уставшим.

Не благородной усталостью делового человека, а скорее внутренней, накопленной.

Слегка ссутулился, в уголках глаз собрались тонкие, напряженные лучики морщин, а взгляд был расфокусирован, устремлен куда-то в асфальт у своих ног.

Казалось, он чем-то встревожен, озабочен.

Стоило мне приблизиться, он мгновенно это уловил. Голова резко поднялась, взгляд нашел меня, сфокусировался и прояснился.

Он оттолкнулся от крыла машины и пошел мне навстречу.

Походка у него была быстрая, уверенная, но неспешная. По пути его пальцы, будто на автомате, потянулись к узлу галстука, поправили его, вернули безупречную симметрию.

Он остановился передо мной на почтительной дистанции, и легкая, едва уловимая улыбка коснулась его губ. Не радостная, а скорее деловая, вежливая.

– Добрый вечер, Людмила Дмитриевна, – произнес он, и его голос прозвучал ровно, почти тепло.

Меня на секунду охватило странное ощущение. Утром, при нашей встрече, мы не представлялись.

Навел обо мне справки. Ну, конечно!

В этом не было ничего угрожающего – лишь холодная кон-

статация его возможностей и его подхода.

– Евгений Степанович, – кивнула я в ответ, давая понять, что правила его игры мне ясны.

Он оценивающе, чуть прищурившись, посмотрел на меня, и в его глазах промелькнуло нечто похожее на уважение.

Из «Мерседеса» вышел один из его амбалов.

Удивительно, где он брал их всех на одно лицо – этаким типаж: фигура шкафа, квадратная челюсть, короткая стрижка, взгляд, пустой и при этом невероятно сосредоточенный.

Он молча встал чуть поодаль, сложив руки перед собой, превратившись в часть пейзажа, в живой столб.

– Мне нужна ваша помощь, – сразу перешел к делу Мельников, без лишних сантиментов. – И боюсь, дело срочное. Проедем, пожалуйста, со мной?

Я слегка опешила. Вот так просто? «Мне от вас кое-что надо, садись в машину, погнали»? Я вздернула брови, пытаюсь сохранить на лице маску безразличия.

– Боюсь, мама с папой меня учили с детства не садиться в чужие машины, – сказала я.

Он не оценил мой юмор. Точнее, мою тревогу, завуалированную под шутку. В его серых глазах ничего не дрогнуло. Он лишь дал мне понять, что время на подобные словесные игры полностью истекло.

– Вы можете поехать на своей машине вслед за мной, – сразу же нашелся он, не дрогнув ни единым мускулом на лице.

Предложение звучало как уступка, как проявление уважения к моим условностям. Но это была иллюзия выбора.

То, как он это произнес – четко, не оставляя пространства для обсуждения, – говорило само за себя. Отказ просто не рассматривался.

И я отчего-то понимала, что отказывать ему действительно нельзя. Не из-за открытой угрозы, ее не было. А из-за того незримого давления обстоятельств, которое он олицетворял.

Я медленно кивнула.

– Хорошо, – сказала коротко. – Я последую за вами.

Мельников ответил кивком, сдержанным и деловым.

Он повернулся и жестом указал своему немому спутнику садиться в машину. Тот моментально ожил, бросился открывать заднюю дверцу для шефа.

Мельников скрылся в темном интерьере салона, даже не оглянувшись, чтобы удостовериться, что я согласилась. Он был уверен. Абсолютно.

Я пошла к своему скромному автомобилю.

Руки слегка дрожали, когда я вставляла ключ в замок зажигания. В зеркале заднего вида я видела, как черный мерседес плавно тронулся с места и, не включая поворотников, вырулил на проезжую часть. Он не прибавил скорость, явно давая мне время подъехать.

– Во что я, черт возьми, вляпалась? – прошептала я сама себе.

Заведя мотор, я глубоко вздохнула. В голове метались об-

рывочные мысли, но ни одна не складывалась в логичную картину.

Было только одно ясное ощущение ловушки, которая тихо и мягко захлопнулась.

Оставалось только следовать за темным силуэтом впереди, туда, куда он везет. На своей машине, но уже совсем не по своей воле.

Я пристроилась за ним, держа дистанцию.

Мерседес вел меня, покидая шумные проспекты и сворачивая в тихие, охраняемые кварталы.

Мы миновали кованые ворота с незаметным постом охраны и въехали на территорию, больше напоминающую парк.

В свете фонарей мелькали аккуратные газоны и контуры других особняков, утопающих в темноте.

Наконец, черный автомобиль плавно остановился у подъезда одного из таких домов – не вычурного дворца, но строгого, солидного здания из темного кирпича, с высокой остекленной дверью и минималистичными линиями архитектуры.

Я припарковалась рядом. Мельников уже вышел и, не дожидаясь меня, направился к входу.

Его амбал вышел из-за руля и занял позицию у машины, его взгляд, тяжелый и безразличный, скользнул по мне.

Он, что, привез меня к себе домой?

Евгений Степанович обернулся на пороге, видя мою заминку.

– Прошу, – сказал он просто, открывая дверь.

Я шла, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. В голове пронеслись обрывки криминальных сводок и триллеров. Я – в частном владении могущественного и встревоженного человека, окруженная его людьми. Что он может замышлять?

Но холодная, логичная часть сознания тут же возразила. при таком количестве свидетелей, при том, что мой автомобиль стоит на его территории с записанными на камеру номерами, открытое насилие – абсурд.

Это был слабый луч здравого смысла, но я ухватилась за него.

Отказываться и бежать сейчас, когда мы дошли до этой точки, казалось еще более опасным и глупым. Страшно было капец, но я шла.

Внутри в доме пахло теплым запахом дорогой древесины. Интерьер был безупречно минималистичным: светлые стены, несколько картин в тонких рамах, дорогой, но не кричащий паркет. Ничего лишнего, но и ничего уютного.

Он жил здесь, но это как будто не было жильем в полном смысле – скорее, идеально обустроенным пространством для существования.

Мельников сбросил пальто на ближайший стул и двинулся по широкому коридору. Я последовала за ним, звук своих шагов по дереву слышала слишком громко.

Он подвел меня к одной из дверей и на мгновение замер. «Ну все! Точно в спальню привел!» – пронеслось в голове. – «Все. Карьера врача окончена. Начинается новая: До смерти благодарна мэру». Интересно, в медкарте это запишут как профессиональное выгорание“ или внезапное изменение специализации“?»

Одернула себя за эти мысли.

В его спине, в том, как опустились плечи, вдруг проступила нерешительность, абсолютно чуждая его образу. Потом он беззвучно повернул ручку и открыл дверь.

Комната была погружена в мягкий полумрак. Ночник в форме месяца слабо освещал пространство: стены, окрашенные в нежный персиковый цвет, были увешаны детскими ри-

сунками – яркими, хаотичными пятнами солнца и неведомых зверей.

Игрушки аккуратно стояли на полках. А в центре комнаты, на довольно большой для ребенка кровати, лежал маленький комочек.

Я сделала шаг ближе. Девочка лет пяти спала, полностью накрыта теплым одеялом, сверху еще пледом. Ее сон был явно тревожным. Ее светлые, почти белые волосы, заплетенные в две растрепавшиеся косички, были влажными от пота и прилипли ко лбу и щекам.

Личико покраснелось нездоровым румянцем, веки сомкнуты плотно, но под ними заметно бегали зрачки. Ее губы, сухие и потрескавшиеся, были слегка приоткрыты, и она дышала неглубоко, часто, с едва слышным хриплым посвистыванием на выдохе.

Одной ручкой она сжала плюшевую сову, ее крошечные пальцы время от времени вздрагивали.

Мельников стоял у порога, не смея войти дальше. Он смотрел не на меня, а на девочку, и в его глазах было что-то ужасающее – беспомощность, замешанная на чистом, животном страхе.

Когда он заговорил, его голос, всегда такой уверенный и ровный, прозвучал тихо, сдавленно и без всяких предисловий.

– Мне нужна ваша профессиональная помощь. У Ани у нее очень высокий жар. Она она не такая, как все. Обычные

врачи они не понимают – Он запнулся, сглотнув, и его взгляд наконец встретился с моим. В нем была мольба, тщательно спрятанная за ширмой крайней необходимости. – Помогите ей.

Я не стала объяснять, что для этого существуют педиатры, врачи, которых можно вызвать на дом, что я, в конце концов, не совсем того профиля. Не стала.

Видимо это и был тот самый долг, та благодарность, которую я должна была отработать за его помощь с мошенницей.

Кивнула, сняла пиджак и положила его на стул у двери.

Если нужно всего лишь вылечить ребенка, то тут я справлюсь. Должна. Тут я, хотя бы, в своей стихии.

И, надеюсь, этой просьбой мы и ограничимся. Я наивная, знаю

– Прежде всего, ее не нужно было укрывать, вы сделали только хуже, – я подошла к кровати и раскрыла малышку, потрогала ее босые ножки, – и принесите теплые носки, у нее ледяные ноги.

– Выполняйте, – строго сказал Мельников кому-то за спиной.

Скоро у меня уже оказалась новая пара детских носков, которые я сама надела на спящего ребенка.

– Что произошло? – спросила я тихо. – В подробностях.

Мельников, стоя у изголовья, вкратце пересказал:

– Вчера после прогулки она стала вялой. Поднялась температура. Со слов няни. Уволил ее за халатность.

Говорил он сжато, сухими, отрывистыми фразами, но по тому, как дрогнула его челюсть на слове «увалил», было ясно – этому человеку еще не скоро простят ее оплошность.

В слабом свете ночника личико девочки казалось совершенно незащитным. Я присела на край, осторожно положила ладонь ей на лоб. Кожа горела сухим, нездоровым жаром. И в этот момент она открыла глаза.

Большие, светлые, влажные от жара глаза сфокусировались на моем лице. Взгляд был мутным, неосознанным, проваленным куда-то в бред.

Она смотрела на меня несколько секунд, а потом ее губы, потрескавшиеся и сухие, дрогнули.

– Мамочка? Это ты?

Голосок был хриплым, тонким. И прежде чем я успела что-либо понять или ответить, она сорвалась с подушки и бросилась ко мне на руки, крепко, изо всех своих слабых сил, обвив мою шею.

Ее маленькое тело, горячее и легкое, прилипло ко мне, а лицо уткнулось в изгиб моей шеи.

Я ощутила прерывистое, горячее дыхание на своей коже и ее дрожь – мелкую, лихорадочную.

Замерла. Руки сами собой обняли ее, придерживая. Это был чистый, животный инстинкт – поддержать больного ребенка.

В голове пронеслось: она в бреду. Она меня не узнает. Ей просто нужна мать, которой нет рядом.

Я бросила взгляд на Мельникова. Он стоял, откровенно не зная, куда деться и что делать. На его обычно непроницаемом лице было написано столько беспомощной боли и растерянности, что он в эту секунду выглядел не всесильным и опасным человеком, а просто отцом.

– Тссс, – тихо прошептала я, одной рукой поглаживая ее влажную спину, а другой все так же придерживая. – Я здесь. Все хорошо, малютка.

Она что-то пробормотала мне в плечо, слова были неразборчивы, а потом ее хватка постепенно ослабла – силы кончились.

Малышка снова закрыла глаза, но теперь ее дыхание казалось чуть спокойнее, будто приступ паники прошел.

– Она она молчала целый год, – глухо произнес Мельников. – ее мать ее нет. Год назад умерла. С тех пор она не сказала ни слова.

Я онемела. Кажется впала в ступор, куда более глубокий и серьезный, чем тот утром, когда сбила человека.

Слабо кивнула, не требуя объяснений. Мои профессиональные навыки наконец-то начали пробиваться сквозь шок. Нужно было действовать.

– Мне нужна теплая вода, чистое полотенце, детское жаропонижающее – то, что вы давали, – и ваша аптечка, если она есть, если нет, я вам напишу список лекарств, – сказала я деловым тоном, вставая. – И, пожалуйста, чашку чая для себя. Это может быть долгой ночью.

Он кивнул и вышел из комнаты, двигаясь с непривычной для него стремительностью.

Я осталась одна с девочкой. Уложила ее на постель. Снова прикоснулась к ее лбу, нащупала пульс на тонкой запястье – частый, нитевидный.

Мои мысли лихорадочно работали, отсекая эмоции, выстраивая алгоритм: сбить температуру, предотвратить обезвоживание, оценить симптомы, чтобы понять, с чем мы имеем дело. Это была моя территория. Здесь я знала, что делать.

Но на всякий случай, зная всю серьезность человека, чьей дочерью была Аня, я решила созвониться со своим братом. Придется выдернуть его ненадолго из отпускной неги и проконсультироваться. Он – лучший педиатр, которого я знаю. Он даст четкие рекомендации.

Мельников вернулся с подносом, на котором было все, что я просила, и даже больше – градусник, влажные салфетки, пакетик с какой-то травой. Он поставил поднос на тумбочку и замер в ожидании, словно солдат, готовый выполнить любой приказ.

– Спасибо, – сказала я, беря градусник. – Теперь мне нужно с ней поработать. Возможно, вам лучше подождать за дверью.

Он посмотрел на дочь, потом на меня, и в его взгляде шла борьба. Но в итоге он снова кивнул – коротко, резко – и вышел, прикрыв дверь.

Теперь в комнате были только я, тихое посвистывание ды-

хания ребенка и тиканье детских часов на стене.

Я глубоко вздохнула и начала работу. Долг, каким бы странным он ни был, нужно было отрабатывать. А впереди была долгая ночь.

Ночь тянулась медленно.

В тишине комнаты слышалось лишь прерывистое, хрипловатое дыхание Ани. Я сидела у ее кровати в удобном мягком кресле, периодически трогала ее лоб.

Евгений Степанович появлялся в дверях бесшумно. Он не задавал вопросов, только смотрел. Его молчание было весомее любых слов.

Властный, привыкший повелевать пространством вокруг себя, здесь он был беспомощен, и эта беспомощность делала его взгляд ледяным и невероятно напряженным.

После его третьего появления я, не отрывая глаз от девочки, тихо сказала:

– У нее растет обезвоживание, ей бы капельницу поставить.

Он кивнул и исчез.

Через полчаса в комнате появилась медсестра и уже готовила систему. Работала четко, без суеты. Таков был приказ.

Даже думать не хотела на что еще способен этот человек. Его решительные действия и приказы, которым подчинялись беспрекословно навевали на меня легкую панику.

Лекарства, жаропонижающие, казалось, не брали упрямую температуру малышки. Где-то в глубине шло воспаление, и мои знания, мой опыт упирались в стену.

Тогда я позвонила брату. Два часа ночи.

Он самый талантливый и бескомпромиссный врач, ответил с первого гудка, голос был ясным, будто он не спал.

– Слушаю?

– Ты так быстро ответил спасибо.

– Ты не так часто мне звонишь, так что я понял, что дело срочное. Рассказывай.

Я коротко, сухими медицинскими терминами, описала картину. Выслушал. Пауза.

– Попробуй сменить антипиретик, – сказал он. – Но не это главное. Ты ее слушаешь как заведующая или как врач у постели?

Его вопрос застал меня врасплох.

Я взглянула на Аню.

– Не понимаю.

– Отойди от протокола. Осмотри еще раз. Но посмотри как в первый день, когда не знаешь диагноза.

Я положила трубку. И сделала, как он сказал. Отбросила все, что думала, что знала. Заново. Осмотр при свете приглушенной настольной лампы был тщательным в своем внимании к деталям.

И тогда я нашла: небольшой отек миндалин. Не критично. Не страшно. Я взяла мазки. Сделала местную обработку, сменила тактику, ввела другой препарат.

Бедный сонный ребенок тихо постанывал, не желая слушаться, но я находила нужные слова, успокаивала ее, а после

всего, когда капельница прокапала – усадила себе на колени и укачала.

К утру битва была выиграна. Ровно в шесть, когда за окном посветлело, я снова положила руку на лоб Ани. Кожа под пальцами была прохладной, влажной, но уже не обжигает. Жар спал. Тридцать семь и два. Победа.

Она открыла глаза – мутные, но уже осознающие.

– Доктор – прошептала она. – Я хочу супчика.

Я только кивнула, не в силах вымолвить слово.

Вошел Мельников. Он посмотрел на дочь, на меня. Его взгляд задержался на моих, вероятно, запавших за ночь глазах.

– Спасибо, – сказал он тихо и просто. И снова стал мэром: – Вам кофе. И завтрак. Что еще?

– Суп для Ани, – ответила я, вытирая ладонью непрошеную влагу с щеки. – Легкий, бульон.

Он вышел.

Через несколько минут у нас уже был суп.

Когда наконец ребенку полегчало, я вышла из ее комнаты и прошла по дому, оглядела его заново.

Он был огромным и безмолвным, как мавзолей.

Я шла по бесконечным коридорам, и дом открывался мне с новой, незнакомой стороны. Какая-то неестественная пустота. Не пустота заброшенности, а стерильная, как в музее после закрытия.

Здесь было много людей, но все они были чужими.

Горничная, повар, и куча амбалов. Персонала было много, они заполняли пространство движением, но не жизнью.

А семьей были только Евгений Степанович и Аня. В этом огромном, пустом доме.

«Мама» – так назвала меня девочка в бреду.

Теперь это слово вернулось ко мне с другой силой. К горлу подступил ком. Сглотнула, стараясь взять себя в руки.

Я слышана о смерти ее мамы. Все искренне переживали, соболезновали Мельникову – и как человеку, и как будущему мэру.

Казалось, весь город тогда носил траур вместе с ним. Но траур в городе кончился. А здесь, в этих стенах, он, похоже, превратился в перманентное состояние.

Я шла, не зная, что ищу. Наверное, самого Мельникова. Нужно было отчитаться о состоянии Ани, передать дальнейшие рекомендации, сказать, что я ухожу домой – моя работа выполнена.

Девочке нужен теперь только покой, уход и время. Но, проходя мимо полуоткрытой двери одного из кабинетов я внезапно слышала голоса и остановилась.

Голос Евгения Степановича был привычно ровным, властным, но в нем звучала усталость.

– все равно не понимаю. Ничего личного, Виктория. Но ваше предложение звучит, как бред.

Другой голос, женский, настойчивый, принадлежал, судя по всему, той, кого он назвал Викторией.

– Евгений Степанович, я все понимаю. В консервативном обществе образ «семьянина» повышает шансы на победу. Избиратели охотнее голосуют за того, кто «ценит традиционные ценности», а не за одинокого холостяка. Фиктивная жена создаст картинку стабильности.

– Как? Если она будет фиктивная?

– Это будет известно лишь вам! – голос Виктории стал напористей. – В регионе сильны патриархальные взгляды – и отсутствие жены трактуется как «что-то скрывает», «неправильный», «ненадежный». Фиктивная семья снимает этот вопрос.

Последовала пауза. Я застыла, чувствуя себя неловко от этого подслушивания, но не в силах сделать шаг.

– Мой рейтинг, – тихо, но четко произнес Мельников, – меня сейчас волнует меньше всего. У меня Аня заболела. Всю ночь температура под сорок. Ты это понимаешь?

– Я понимаю, что это ужасно, – в голосе Виктории зазвучала неподдельная, но деловая жалость. – И именно поэтому вам нужна победа. Нужен успех. Чтобы отвлечься. Чтобы все – и вы в первую очередь – видели: жизнь идет вперед. Она бы этого хотела.

Последняя фраза повисла в воздухе тяжелым, несправедливым укором. Я услышала, как передвинули стул.

– Не говори за нее, – прозвучало ледяно. – И не используй это как аргумент. В политике.

– Это не политика, Евгений Степанович. Это факт. Кра-

сивая, грамотная, «идеальная» жена рядом может привлечь голоса женщин-избирателей, особенно в семьях с традиционными ролями. На встречах с избирателями, благотворительных акциях, визитах в школы или больницы «жена мэра» – это дополнительный персонаж: она общается с женщинами, детьми, раздает подарки, создает «теплый» образ семьи у власти.

Я уже хотела войти, постучать, даже дверь слегка приоткрыла, увидев Мельникова, сидящего за столом, а напротив него – двое. Женщина и мужчина.

Заговорил мужчина:

– Согласен с Викторией, она грамотный пиар-менеджер, лучший в стране. Евгений Степанович, вы почти год не появлялись на людях. Мы не можем построить кампанию человека, основываясь на ваших достижениях в руководстве холдинга.

– Разве хороший мэр – это не хороший управленец?

– Все верно. Но аудитория и избиратели не всегда понимают стратегию, многие из них даже предвыборные лозунги не читают. Им нужна картинка. Привычная. Фото и видео с «будущей супругой» дают больше контента для соцсетей и СМИ: не просто «кандидат выступил», а «кандидат посетил», а «трогательный момент с будущей супругой». Это увеличивает охват и лояльность.

Тишина.

Тяжелый вдох.

Евгений Степанович потер переносицу, будто этот разговор физически причинял ему дискомфорт.

– Так, ладно. И где же мне найти эту вашу «образцовую жену»? – спросил он, и его взгляд, случайно наткнувшись на меня в проеме приоткрытой двери, внезапно замер.

На каком-то интуитивном уровне, я почувствовала угрозу сделала шаг назад.

– Кто это? – спросила женщина лет сорока в строгих черных очках и с не менее строгим взглядом, от которого я вмиг почувствовала себя маленькой, незначительной и некомпетентной во всем.

Мельников устало вздохнул, поднялся и поправил галстук резким, торопливым движением.

– Это Людмила Дмитриевна Кораблева, заведующая детским хирургическим отделением городской больницы. И лечащий врач моей Анны.

Женщина слегка опустила очки на кончик носа и окинула меня взглядом, полным наставничества, который я хорошо помнила с детства, когда меня вызывали к доске для ответа на особенно трудный вопрос.

– Замужем? – поинтересовалась она, осмотрев меня с головы до ног.

Мельников тут же зыркнул на нее с предупреждением.

– Я знаю к чему вы спрашиваете, Виктория, но

– Ну что же вы стоите, Людмила Дмитриевна? Проходите, – вдруг засуетился мужчина, встав с кресла, и подскочил ко мне, протягивая руку и чересчур импульсивно пожимая мою, как только я протянула ее на автомате. – Очень рад ви-

деть, что у нас в здравоохранении работают такие очаровательные молодые специалисты. Меня зовут Иван Николаевич, я помощник Евгения Степановича. Слышал, вы помогли Анне. Ей стало лучше.

– Температура снизилась до критической отметки, и теперь важно стабилизировать состояние и начать выздоравливать, – отчеканила я, все еще чувствуя себя словно под микроскопом от взгляда этой странной женщины.

– Да-да, конечно, вы правы, Людмила Дмитриевна, – Иван Николаевич галантно подвел меня к большому массивному столу и усадил. – Вы отлично справились. Люблю людей, находящихся на своем месте.

Я сама не заметила, как вместо того, чтобы уйти домой оказалась за столом с влиятельными людьми, да еще и услышала то, чего, не должна была услышать. Не думаю, что эти люди подвел меня к столу и усадил за него.

Не успела я опомниться, как вместо того, чтобы уйти домой и укрыться от этого музейного здания, я уже оказалась в обществе весьма влиятельных людей города, и почему-то они все сосредоточили на мне свое внимание.

Коротко и шумно сглотнув, я собралась с духом, выпрямила спину и уверенно посмотрела в глаза Евгения Степановича.

– Не волнуйтесь, я почти ничего не услышала, а то что услышала, не поняла толком и забуду, как только выйду за порог этого дома. Поверьте мне.

Я пыталась найти в его взгляде подтверждение того, что он мой союзник, и убедилась, что он действительно на моей стороне. Но

Но я мыслила не в том направлении.

Он не испугался разоблачения, не искал в моем лице угрозы. Его взгляд был оценкой, холодным и безжалостным взвешиванием чего-то совершенно иного.

В глубине его опасных, решительных глаз не было паники, а лишь быстрое, почти слышимое шевеление мысли.

– Дадите нам пару минут для приватного разговора, – задумчиво произнес он, глядя куда-то вниз. Так что я толком не поняла кого именно он об этом просит: меня или своих людей.

И пока соображала, Иван Николаевич и Виктория, суетливо поднялись со своих мест и вскоре покинули кабинет.

Мы остались одни.

Мельников медленно сел, откинулся в кресле, и пальцы его правой руки принялись постукивать по полированной поверхности стола.

– Допустим, вы «забудете» о том, что мне нужна фиктивная жена, – начал он, и его голос прозвучал спокойно, даже устало. – Это было бы слишком просто. Информация, подобная услышанной, имеет свойство не забываться. Она оседает где-то здесь, – он легонько постучал себя по виску, – и ждет своего часа. Даже если вы искренне в это верите.

Я попыталась снова заговорить, оправдаться, но он мягко

поднял руку, останавливая меня.

– Вопрос не в том, верю ли я вам. Вопрос в том, что теперь с этим делать. Вы оказались здесь случайно, но факт остается фактом: вы теперь часть этого уравнения. И простая надежда на вашу забывчивость – слабая и ненадежная переменная.

Он замолчал, и его взгляд скользнул мимо меня, в окно.

Я сидела, чувствуя, как мое первоначальное, наивное мужество тает на глазах. Думала, что он увидит во мне невольного свидетеля, которого нужно умаслить или припугнуть. А он видел что-то другое

– Этой ночью вы проявили свои лучшие качества. Возможно, это и не бросается в глаза, но я все заметил: как вы взялись за дело, как отнеслись к чужому ребенку. Никто не просил вас укачивать мою дочь, и вы, очевидно, сделали бы так с любым ребенком, а не только потому что она моя дочь. И Анна Она вас так назвала. И да, я вам верю.

Я машинально пробубнила:

– Спасибо.

– Вы сказали «не поняла толком». Фраза «фиктивная жена» не требует глубокой расшифровки, особенно в контексте беседы мэра с его советником. Вы все поняли прекрасно. И именно поэтому ваше предложение это забыть – жест доброй воли, но не более. И я тоже это ценю в вас.

Он сложил руки перед собой.

– Теперь давайте мыслить практично. Я не собираюсь вам угрожать. Это глупо и создает лишние риски. Но и отпустить

ситуацию на самотек я тоже не могу. Вам нужно предложить что-то большее, чем обещание. И мне нужно это предложение принять. Или, – он едва заметно улыбнулся уголками губ, – предложить свое.

Воцарилась тишина. Стук пальцев прекратился.

Он ждал. Стратегически ждал, когда я догоню ход его мыслей, выйду за рамки своего наивного «забуду и уйду». И тогда до меня стало медленно доходить.

Он не искал во мне врага или шантажиста. Он искал элемент. Деталь, которую неожиданно обнаружил на игровом поле и теперь решал, как ее можно использовать.

Его спокойствие было не маской, а признаком человека, который привык просчитывать ситуацию на несколько ходов вперед, где любая случайность – лишь новая фигура на доске.

Мысль ударила с такой внезапной и ясной силой, что дыхание перехватило. Я буквально почувствовала, как холодная волна покатилась от висков к самым кончикам пальцев.

Он хочет предложить роль своей фиктивной жены *мне!*

Я в шоке смотрела в его глаза – спокойные, оценивающие, лишенные всякой тревоги. И читала в них не «что делать с этой девушкой», а «как ей это корректно предложить».

Его пауза, его взгляд – он человек вообще? Как будто ему на самом деле все равно, что придется сделать ради голосов избирателей. Принудить кого-то играть роль его жены – плевое дело.

Репутация, рейтинг, связи, власть и большие деньги – это его мир.

Чувства, любовь и желание осчастливить человека, который стал тебе дорог, не расставаться с ним никогда, сделать его своим законным супругом не, не слышали!

Да уж, и этот человек на секунду показался мне нормальным. Когда переживал за дочь. Даже человеком.

Но, может, он такой только ради Анны?

А ради себя и своей жизни – уже и не человек вовсе. А робот.

Цифры, отчеты, задачи–решения, люди, готовые по щелчку пальцев выполнять любой приказ – это, конечно, подкупает, развязывает руки, дает ощущение вседозволенности.

Но и требует свою цену. Возможность вот так положить свою личную жизнь на плаху. Ради избирателей? Вряд ли. Ради простого, банального достижения цели.

Нет. Я ошиблась. Он не был на моей стороне. Он был на стороне безупречной логики, где каждый неожиданный элемент должен быть встроен в конструкцию с максимальной пользой.

А я была не просто подслушивающим свидетелем. Я была идеальным кандидатом.

Молодая, не связанная с его кругом, достаточно незаметная, чтобы не привлекать лишнего внимания, и достаточно умная, чтобы понять серьезность ситуации по первому намеку.

И главное – я уже была в курсе. Мне не нужно было ничего объяснять, не нужно было подбирать легенду или уговаривать хранить тайну. И он это видел.

Все мое наивное «забуду» было для него просто доказательством того, что я осознаю масштаб услышанного и готова на все, чтобы от него откреститься.

Именно такой человек и нужен для роли соучастника. Страх и понимание последствий уже проделали половину работы.

Евгений Степанович откашлялся, вернув взгляд на меня, на то, как я вжалась в кресло, мечтая стать невидимой.

– Вы ошиблись в одном, Людмила Дмитриевна, – сказал он тихо, почти снисходительно. – Надеяться на забывчивость человека – признак дилетантства. Надеяться можно на ветер или на удачу. На людей же – можно только рассчитывать. Когда у них есть достаточная причина вести себя предсказуемо.

Он еще и говорит не по-человечески. Как настоящий политик. Куча слов, напыщенности, а смысла – ноль.

– Я я не считаю себя предсказуемым человеком, – попыталась сопротивляться, но только хуже сделала. От страха за себя и свою судьбу мне ни красноречия, ни аргументов не хватит. – Да и что хорошего в подкупленной предсказуемости? Люди – не швейцарские часы.

Он вообще никак не ответил. Просто выдвинул верхний ящик стола, не глядя достал оттуда длинный конверт из плотной, кремовой бумаги и положил его перед собой.

Ну, класс!

Сейчас еще заставит прямо тут все подписать и вуа-ля! Я оглянуться не успею, как стану Мельникова Людмила Дмитриевна.

Ну, старушка с апельсинами, ну, «удружила»!

Евгений Степанович тихо откашлялся, прочистив горло и заговорил чуть мягче:

– Вы слышали обсуждение некоего решения. Оно должно исправить одну проблему с рейтингом для моих избирателей. Но для осуществления этого решения требуется особая деликатность. И полная вовлеченность сторон.

Я не могла двинуться с места.

Вся эта история с «фиктивной женой» – по сути не его идея, но он слишком быстро ею загорелся.

И, судя по конверту на столе, это было не абстрактной угрозой, а конкретной такой, блин, реальностью. Моей но-

вой реальностью.

Он не собирался меня запугивать или подкупать, чтобы я молчала. Молчание было ненадежно. Надежным было лишь одно – сделать меня частью этой истории. Сообщницей.

– Я не могу предложить вам “забыть”, – продолжал он, и в его тоне впервые появились оттенки чего-то, похожего на искренность. Холодную такую, деловую искренность биржевого маклера. – Это было бы лицемерием с моей стороны и глупостью с вашей. Но я могу предложить вам кое-что взамен. Не просто безопасность. А позицию. Защиту. Определенные ресурсы. На длительный срок.

Он положил ладонь на конверт.

– Вам потребуется время, чтобы это обдумать. Я понимаю. Но учтите – само наше текущее положение, этот разговор, уже является фактом. Выходя отсюда с простым «я все забыла», вы становитесь слабым звеном. Для всех. А становясь частью решения вы получаете безграничные возможности. Под моим покровительством, разумеется.

И тогда я окончательно поняла весь ужас и всю гениальность его хода. Он не спрашивал «согласны ли вы». Ха! Это для слабаков, правда?

Он демонстрировал мне безвыходность.

Путь назад – в статус опасного случайного свидетеля, с которым рано или поздно разберутся. Путь вперед – в статус сообщницы, в роль его фиктивной невесты или жены.

– Мы можем вызвать моего лучшего юриста, составить

контракт, при котором будут защищены интересы обеих сторон. Мы учтем все ваши пожелания.

Я посмотрела на него и усмехнулась глупой, идиотской усмешкой, которая внезапно настигает тебя в преддверии истерики.

Что я искала в его глазах? Вот дура, думала нашла союзника.

Он предлагал не союз, а сделку.

И его спокойный, выжидающий взгляд говорил яснее слов: лучшего предложения у него для меня не будет.

Продолжая смотреть на него, я улыбнулась. Как-то истерически, что ли

Встала и пробормотала:

– Спасибо за предложение, Евгений Степанович, но я, пожалуй пойду.

Вспомнив, отчего оказалась здесь, добавила искренне:

– Желаю Анечке скорейшего выздоровления. А именно так и случиться, если будете следовать моим предписаниям. И приятно было познакомиться.

На негнущихся ногах вышла из кабинета.

Мое лицо, должно быть, было красноречивее любых слов, потому что Виктория, подняв голову от планшета в руках, замерла. Иван Николаевич, стоявший у окна с телефоном, резко перестал разговаривать с кем-то на связи и вытаращился на меня.

В их глазах – немое любопытство. Они слышали, должно быть, приглушенные голоса за дверью, но теперь видели результат – меня, выходящую из святая святых с видом приговоренной.

Я прошла мимо них, не поворачивая головы, глядя прямо на тяжелую дверь в конце приемной.

Если честно, я ждала окрика, мягкого, но не терпящего возражений голоса Евгения Степановича: «Вернитесь, мы же не договорили».

Или просто тяжелой руки на своем плече.

Дверь, за которой был город, улица, обычная жизнь, оказалась ближе, чем я думала. С приближением к ней, я уже почти бежала.

Я боялась, что из-за колонн или из темной ниши под лестницей появятся амбалы Мельникова. Большие, непроницаемые, вежливо перекрывающие путь. «Евгений Степанович просит вас вернуться».

Но вокруг было пусто.

Бежать! Срочно бежать!

Взяла за ледяную ручку и толкнула дверь. Холодный воздух распахнул полы моего наспех накинутого пальто, которое я не успела застегнуть. Меня охватила дрожь, словно я мышка. Ха! Убегающая от кота.

Я выбежала на улицу. На территории вокруг дома находились люди, но никто не обращал на меня внимания. И что самое важное – никто не гнался за мной.

Значит, он меня отпустил. Сознательно. Значит, его расчет был именно таким: дать мне уйти, чтобы я сама все обдумала.

Чтобы страх и логика сделали свое дело без грубого давления. Чтобы я сама, в тишине своей квартиры, взвесила его «предложение» и пришла к единственно возможному выводу.

Он дал мне убежать, зная, что мне бежать, по сути, некуда. Я перешла на шаг, уже не бежала.

Добралась до машины с четким ощущением, что отсутствие погони – всего лишь затишье. И меня сейчас догонят, схватят и потащат к алтарю.

Быстро села в тачку, завела мотор дрожащими руками, заблокировала двери и газанула в пол, даже не прогрев двигатель. Он взревел, дернулся и рванул вперед, обдирая колесами бордюр.

Я неслась куда глаза глядят, смутно помня дорогу сюда. Меня вел слепой, животный импульс – увеличить расстоя-

ние.

Хотя кого я обманываю? Сама на себя нагоняю страх. Они не станут гнаться по пятам. Они просто знают номер моей машины. И мое имя. И более чем уверена, что в том конверте – полное досье на меня. Включая пару нюдсов, которые я делала в студенчестве. (Ну а почему бы и нет? Если уж накручивать себя, то по-полной!)

В ушах стучала кровь. Я пыталась дышать глубже, по инструкции из приложения для медитации, которое когда-то скачала от скуки. Вдох на четыре счета. Выдох на шесть. Это не помогало.

Перед глазами стоял конверт из плотной, кремовой бумаги на его столе. Он даже не потрудился его вручить. Просто положил, как ловушку, в которую нужно было войти самостоятельно.

– «Фиктивная жена»! – фыркнула я. – Да что он о себе вообще думает?!

Сама не заметила, как подъехала к своему дому. Припарковалась, положила руки на руль и уронила голову.

– Докатилась

Хоть смейся, хоть плачь.

В голове мелькали различные перспективы того, что меня ждет: общая фотография в новостной ленте. Его рука на моей талии на каком-нибудь благотворительном вечере. Наше выдуманное знакомство, которое мне предстоит выучить. И постоянный, едкий страх разоблачения, который станет фо-

ном всей этой фарсовой жизни.

Я выпрямилась и резко потянулась за бутылкой воды в бардачке. Вода была теплой, но смыла ком в горле.

Может, сбежать? Они найдут меня через брата или впутают еще и его. Обратиться в полицию? Очень смешно!

Что, блин делать в таких ситуациях?

Я словно совершила что-то противозаконное и теперь пытаюсь придумать, как спасти собственную шкуру.

Но я ведь не сделала ничего противозаконного. Ну, да, сбила бабульку, которая оказалась аферисткой.

Вдох на четыре, выдох на шесть

Лучшим решением будет просто поговорить с Мельниковым. Откровенно, без этих игр в размытые речи политиков.

Нужно ясно и спокойно объяснить, что я не готова становиться ему ни невестой, не женой – пусть даже и на бумаге, для проформы. Я не пешка, которую можно передвигать по его шахматной доске, когда вздумается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.